

О ТОМ КАК ПИРОГ С КАПУСТОЙ «УБИЛ» ЛЬВА ТОЛСТОГО

(Из записной книжки)

Видеть великого писателя мне довелось всего один раз в жизни и, вдобавок, при самых... досадных обстоятельствах!

Приходится перенестись воспоминанием за пятнадцать лет назад, в Москву, в Малый Николо-Песковский переулок, в невзрачный одноэтажный флигелек, г. Кругликова...

Несмотря на утренний час, маленький деревянный флигелек переполнен народом: сегодня день ангела хозяина квартиры, известного московского профессора Николая Ильича Стороженко.

В небольшой гостиной, обращенной на этот раз в столовую, сбились дамы и учащаяся молодежь; а в длинной узенькой столовой, за столом, уставленным закусками и питиями, всё более или менее известные «имена», прикосновенные к московской профессуре, к Малому Театру и к русской литературе.

Момент некоторым образом торжественный. На всех лицах следы затаенной тревоги, даже некоторого волнения: все ждут *его*, поглядывая по направлению передней, сообщающейся непосредственно с кухней.

Вы, может быть, не догадываетесь *кого*?...

Именинного пирога с капустой!!

Без него для москвича – именины не именины!..

И вдруг... нечто совершенно невероятное.

На пороге столовой, вместо кухарки с блюдом горячего пирога, появляется высокая, чуть согбенная фигура старика, в рабочей блузе, подпоясанной ремешком, с характерной головой, слишком известной по фотографиям и иллюстрациям, чтобы можно было ошибиться.

Словом – *Лев Толстой* собственной персоной!

Я лично до того был ошеломлен, что сначала подумал, что это мне почудилось...

Но нет – нисколько не почудилось... За столом произошло движение, большинство поднялось со своих мест; вон из гостиной выбегает радостно взволнованный именинник и со словами: «Дорогой Лев Николаевич... какими судьбами?» бросается навстречу Высокому Гостю

Последовало представление хозяином находящихся в столовой... Л. Н. обнаружил при этом отменную, вполне светскую любезность, хотя казался заметно смущенным: очевидно было, что он заглянул к Н. И. Стороженко случайно, с прогулки, и никак не ожидал встретить такое большое общество.

Дошла очередь до меня.

Стою ни жив ни мертв от душевного смятения.

– Вот позвольте представить: Щеглов, Иван Леонтьевич...

– Ах, очень приятно!

Ласковая пленительная улыбка, короткое рукопожатие – и Л. Н. идет дальше.....
.....

– Какое на вас впечатление произвел Лев Николаевич? – слышу около себя тягучий голос моего соседа по именинному столу, театрального чиновника.

– Какое впечатление?!

Не в таком настроении был я тогда, чтоб отвечать, да еще чопорному театральному чиновнику. Сейчас, т. е. через пятнадцать лет, пожалуй, отвечу вам с определенностью:

– *Двойственное!*

Первое впечатление почти озадачивающее – до того непохож живой Лев Толстой, вблизи, на его обычные снимки, изображающие его не то вроде сказочного богатыря, не то в виде библейского пророка... Стоило в воображении подменить классическую толстовскую блузу поношенной поповской ряской – и пред вами оживал добрый сельский батюшка, один из

тех благодушнейших старичков-пастырей, что под старость едино памятуяют «о мире всего міра».

Иное, совсем неожиданное, впечатление получилось, когда Л. Н. стал обходить гостей. Тут невольно бросалась в глаза светскость обращения, какая-то особенная деликатная изысканность, присущая лишь кровному аристократу... Чтò в том, что на нем была рабочая блуза, подпоясанная дешевым ремешком – блуза, как контраст, еще более выделяла эту тонкую изысканность... Мне, например, он сказал всего одно слово, слегка наклонив голову, пожал руку – но если б вы видели, какой обаятельной манерой все это сопровождалось – французский маркиз, да и только!..

Но когда по окончании церемонии Л. Н. вернулся на место (а выбрал Л. Н. очень скромное место, в конце стола, у самого входа в столовую, рядом с известным московским профессором N, занимавшим, благодаря своей массивной фигуре председательское место) – *двойственность* как-то сразу исчезла, т. е. «Толстой-батюшка» и «Толстой-маркиз» так между собой смешались, что трудно было уловить, где начинался один и кончался другой...

Впрочем, когда Л. Н. заговорил – а говорил он тихим, мягким голосом, с чуть заметным пришепетыванием, – добрый пастырь окончательно заслони́л маркиза. Кстати же, и заговорил он на тему «о мире всего міра»...

В Москве злобой дня тогда было убийство железнодорожного туза Василевского чиновником Захарьянцем. Захарьянец очутился без дела и добрейший Василевский обещал выхлопотать ему место («обязан» был выхлопотать место, – как выразился убийца), и, так как места долго не выходило, раздраженный Захарьянц явился в кабинет директора и совершил убийство... Как раз перед приходом Толстого за столом говорили об этом самом несуразном кровопролитии, а затем прерванный разговор снова завязался на ту же тему.

Все, разумеется, были возмущены насилием Захарьянца... И Лев Толстой больше всех!

«Возмутительно... возмутительно!!» – послышался с конца стола голос Льва Николаевича.

За столом слегка стихли.

– Для меня, – заметил он тихим, но глубоко захватывающим слушателей голосом, – для меня такой поступок прямо непонятен... Один, извольте видеть, непременно обязан делать то и то, а другой почему-то ни к чему не обязан и может даже по своей воле лишить другого человека жизни... Но ведь это же крайний предел *эгоизма*, до которого только может прийти человек, – эгоизм, уже прямо граничащий с сумасшествием!...

И, немного помолчав, Л. Н. с чуть заметной усмешкой продолжал:

– Меня тоже в прошлом году всё преследовал один такой человек, которому я будто бы был «обязан» написать предисловие к его книге. А обязан был вот почему... У него, видите ли, большая семья, и чтобы прокормить семью, он сочинил плохую книгу; а так как, по его рассуждению, она без моего предисловия едва ли бы пошла в ход, то чтобы помочь семье, я «обязан» был написать предисловие к плохой книге...

И Толстой благодушно добавил:

– Заботясь о личных интересах, он как-то совсем упустил из виду, что у каждого писателя есть свои собственные... например, хотя бы в смысле некоторой свободы в выборе темы для писания!

Последние слова, хотя и были сказаны мягко, но проникнуты очень тонкой иронией.

Беседа становилась донельзя интересной. Я подвинулся ближе и насторожился, чтобы не проронить ни одного слова.

И вдруг – о, ужас! – *пирог с капустой*...

Толстая кухарка, при помощи подростка с ежовой головой, внесла огромное блюдо с горячим пирогом и, покосившись подозрительно на костюм Л. Н., бесцеремонно протиснулась к его соседу монументальному профессору, очевидно любителю покушать и испытанному знатоку по этой части.

– Уж извините... пирог-то, кажется, малость пригорел!.. – пробормотала она конфузливо.

При виде пирога с капустой физиономия монументального профессора подернулась умилением и, сгребая к себе на тарелку солидную порцию, он весело проговорил:

– А вот мы его сейчас накажем за то, что он пригорел!..

Теперь Л. Н. совершенно был заслонен от публики широкой спиной соседа-профессора, потянувшегося к пузатому графинчику с водкой...

Л. Н. деликатно отодвинулся назад, а затем незаметно пересел на стул, в угол, около буфета.

На время о существовании Льва Толстого было позабыто.

Пузатый графинчик быстро стал переходить из рук в руки, и звяканье ножей и вилок исключало всякую возможность продолжения беседы.

Я искоса осторожно взглянул на Толстого. Он сидел в углу, заметно нахмуренный и видимо чувствовал себя неловко на шумном пиршестве.

Меня тронули за плечо: подошла моя очередь принять на свою тарелку порцию именинного пирога. Театральный чиновник, подливая себе водки, любезно позаботился наполнить и мою рюмку.

Я снова оглянулся в уголок около буфета... и ахнул: *Толстого в столовой уже не было!*

Он исчез быстро и неуловимо, точно библейский пророк с пиршества Валтасара на кинематографическом экране.

За именинным столом произошло некоторое замешательство; из гостиной выбежал встревоженный именинник:

– А где же Лев Николаевич? Неужели ушел... неужели обиделся??

И кинулся в переднюю.

Но Льва Николаевича и след простыл.

Записывать ли дальше?...

Само собой разумеется, именинное пиршество, не смущаемое укоризненным оком великого старца, продолжалось с сугубым воодушевлением...

Нет, лучше поставлю точку, и скромно отмечу дату:

Все это случилось 6 декабря 1896 года в г. Москве, на Арбате, на именинах профессора Николая Ильича Стороженко, на которых присутствовало интеллигентнейшее московское общество!..

Автограф неизвестен.

Датируется 1911 г.

Печатается по авторизованной машинописи (РО ИРЛИ. 13596. Л. 26–28) с исправлением очевидной опечатки (в м/п копии ошибочно «Николая Ивановича Стороженко» вместо «Николая Ильича»).

Мемуарная зарисовка, сделанная Щегловым в последний год жизни, основана на дневниковой записи от 6 декабря 1896 г. (ИРЛИ. 1422. Л. 52 об.–53). Последняя опубликована Н. Г. Розенблюмом с большими неточностями (*Розенблюм Н. Г.* Лев Толстой в неизданной переписке и воспоминаниях современников // Русская литература. 1960. № 4. С. 162). Приведем ее целиком с исправлениями по автографу:

6 декабря 96 г. На именинах Стороженко. (Арбат, Малый Николо-Песков<ский> пер<еулок>, д. Кругликова.) Обычный именинный развал: Янжул, Чупров, Корелин, Веневитинов, Веселовские, Нос, Чулдин, Ермилов, Коковин, Ив. Иванов, Куманина, Некрасова и т. д. – Неожиданное, как появление пророка во время пира Валтасара, – появление Льва Толстого... У меня даже закружилась голова от волненья – наконец-то увидел *его!*.. Впечатление глубоко трогательное – не будь блузы, а ряса на нем – совсем умный, благодущный деревенский батюшка. (Сел за буфет, чтобы *не мешать* пирующим.) Злоба дня. – Прав<ительственное> сооб<щение> об универ<ситетских> беспоряд<ках>. Толстой одобряет правит<ельство>, смотрит тоже как на детские *шалости*. Известие об убийстве железно<оружного> туза Василевского чинов<ником> Захарьянцем. *Толстой*: «Такой крайний эгоизм, прямо граничит с сумасшествием... Меня тоже один преследовал, что я будто *обязан* написать предисловие к его сочиненью для поддержки его семьи – забывая, что у меня есть свои интересы... например, интерес некоторой свободы писательства...» Затем Л<ев> Н<иколаевич> незаметно исчез, как и пришел. (Пирог с капустой *убил* Льва Толстого).

...в Малый Николо-Песковский переулок... – один из переулков Арбата.

...день ангела ~ Стороженко. – Николай Ильич Стороженко (1836–1906) – литературовед, профессор всеобщей литературы Московского университета, председатель Общества любителей российской словесности в 1894–1901 гг., библиотекарь Румянцевского музея (1880–1890), председатель литературно-театрального комитета при дирекции Императорских театров (с 1894), вице-президент Нового шекспировского общества; был одним из основателей журнала «Артист», где печатался Иван Щеглов. Толстой познакомился со Стороженко в 1881 г. в Румянцевском музее и в дальнейшем неоднократно брал у него необходимые для работы книги. Известны два письма Толстого к Стороженко, 1894 и 1903 гг. В январе 1890 г. Стороженко приезжал в Ясную Поляну.

Именины Стороженко приходились на день св. Николая Чудотворца, 6 (19) декабря. Щеглов старался бывать в Москве в этот день. 6 декабря 1894 г. он сделал такую запись в дневнике:

«Чудесный солнечный зимний день и развеселые именины у Стороженко. (Ал. Веселовский, Ив. Ив. Янжул, Бальмонт, Ив. Иванов, Южин, Влад. Н. Данченко, милейший Линиченко Ив<ан> Андр<еевич>, Ерррмилов и т. д.). Примирительный общий тон, хорошие слова о Государе Николае II. (История в Тех<нологическом> Инст<итуте>, Гоголь и секр. Нос).

Десятый год, благодаря Бога, всё те же!. (Я либерален в иных случаях, но относительно друзей я консервативен!..)» (ИРЛИ. 1422. Л. 13 об.; как видим, часть гостей «всё те же» будут и в 1896 г.).

Сохранилась авторизованная машинописная копия небольшой заметки Щеглова «К портрету Н. И. Стороженко» (1906; 13596. Л. 23–23 об.), по которой мы и приводим текст ниже целиком:

Умирает старая, добрая Москва...

12 января, в Татьянин день, как раз в самый день Университетского праздника, скончался Николай Ильич Стороженко, слава и гордость Московского университета, можно сказать, его «последняя любовь», так как сейчас нельзя указать другого имени, которое было бы столь широко популярно в университетской семье.

Но отметить два главные официальные титула Николая Ильича – «профессор всеобщей литературы» и «вице-президент Лондонского Шекспировского общества» – значило бы сказать все же мало, ибо это был один из тех редких гуманистов-ученых, память которых остается не только в умах, но и в сердцах... Шекспировед и книговед – это само по себе; но, прежде всего, это был живой человек, на редкость добрая и чуткая душа, радостно откликавшаяся на всякое оригинальное проявление человеческой мысли и таланта. В Москве в восьмидесятых годах он играл ту же благотворную миссионерскую роль собирателя талантов земли русской, какая выпала в Петербурге на долю его старого приятеля поэта А. Н. Плещеева.... Избранный по смерти Н. Тихонравова председателем «Общества Любителей Российской Словесности», он не только оживил и поднял самое Общество, но оживил и поднял Москву, сумев разбудить – легко сказать! – в скучающих и самодурствующих московских людях живой интерес к родной литературе и искусству.

Не без самоудовлетворения вспоминаю теперь, как в 1894 г. мне пришлось случайно оказать внушительный толчок празднованию юбилея дорогого Н. И. Юбилей вышел на славу. Огромный зал гостиницы Континенталь, где состоялось юбилейное пиршество, собрал, почти, весь цвет научного, литературного и промышленного мира Москвы и Петербурга. – И эта

блестящая живая картина свидетельствовала воочию, какое дружеское поклонение завоевал себе незабвенный Николай Ильич.

В поминальных взволнованных строках не упомянуть, конечно, всего огромного вклада любви и знания, что вложил Н. И. в литературную и общественную сокровищницу. И как это всегда бывает, в русском обиходе в особенности, только после смерти светлая личность покойного профессора неожиданно выросла в свою настоящую европейски значительную величину. Земля сиротлива кажется теперь в Москве без милого сердечно отзывчивого Николая Ильича! Подумаешь, сравнительно в короткое время какие яркие светила закатились: Чехов, Трубецкой, Стороженко...

Невольно приходит на память меланхолический стих Пушкина:

Ученых много, умных мало,
Знакомых тьма, а друга нет!

А он был на редкость истинный друг науки и литературы, театра и искусства, друг всякого высокого общественного предназначения, друг всякого на тернистом пути, в ком теплилась самомалейшая искра Божия.

Да будет стыдно Москве, если она не увенчает могилу Н. И. достойным и славным его имени памятником!!.

Ив. Щеглов

...моего соседа по именинному столу, театрального чиновника. – Имеется в виду чиновник особых поручений при управляющем московскими театрами М. К. Коковин. Эта фамилия упомянута и в дневниковой записи, но прокомментирована Н. Г. Розенблюмом. По воспоминаниям актера Ю. М. Юрьева (1872–1948), Коковин отличался «большим формализмом и малой воспитанностью. Человек он был резкий, несмотря на свою лакированную внешность, и представлял собой в своем вицмундире со светлыми пуговицами типичную фигуру чиновника того времени» (*Юрьев Ю. М. Записки: В 2 т. Л.; М., 1963. Т. 1. С. 310*).

...«о мире всего мира». – Одно из прошений великой, или мирной ектении, начинающей Божественную литургию.

...рядом с известным московским профессором N, занимавшим, благодаря своей массивной фигуре председательское место... – Вероятнее всего, речь идет об Иване Ивановиче Янжуле (1846–1914), экономисте, статистике, профессоре Московского университета (1876–1898), академик Имп. Академии наук (1895). В пользу этого свидетельствует то, что в дневниковой записи (см. выше) Щеглов назвал его первым в перечислении гостей, а также портреты Янжула, в частности – работы В. Маковского (1907).

Подготовка текста и комментарии О. Л. Фетисенко